

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОЭЗИЯ

ТАТЬЯНА КОЖУРИНА

СПАССКИЙ ОСТРОВ

Татьяна Кожурина

**Спасский остров.
Петербургская поэзия**

«Издательские решения»

Кожурина Т. Е.

Спасский остров. Петербургская поэзия / Т. Е. Кожурина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909291-5

Сборник «Спасский остров», посвященный Петербургу, издается в содружестве с художником-графиком Оксаной Хейлик. Здесь, в Петербурге, острова словно бы составляют единый изящный витраж из своих замысловатых очертаний, — город-витраж в просторной дельте Невы! Каждый по-своему прекрасен, но особенно дорог — Спасский остров, — меж Фонтанкой и Екатерининским каналом, — названный так красиво благодаря Спасскому храму на Сенной площади.

ISBN 978-5-44-909291-5

© Кожурина Т. Е.
© Издательские решения

Содержание

СЛОВО ОТ АВТОРА	6
«СПАССКИЙ ОСТРОВ» Татьяны Кожуриной	8
1. СПАССКИЙ ОСТРОВ	10
2. МОНАСТЫРСКИЙ ОСТРОВ	25
3. НЕВИДИМАЯ БРАНЬ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Спасский остров Петербургская поэзия

Татьяна Евгеньевна Кожурина

Дизайнер обложки Оксана Николаевна Хейлик

Иллюстратор Оксана Николаевна Хейлик

© Татьяна Евгеньевна Кожурина, 2018

© Оксана Николаевна Хейлик, дизайн обложки, 2018

© Оксана Николаевна Хейлик, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-9291-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЛОВО ОТ АВТОРА

Мое внимание с ранних лет привлекали острова... И не обязательно в их привычном смысле, что «остров – это участок суши, окруженный со всех сторон водой»... Нет, это могла быть и вполне материковая земля – скажем, огромный заповедник «Лосиный остров», широким лесным клином входящий в Москву и плавно перетекающий в Сокольники... Который я называла по-своему – «Малахитовый остров», поскольку наша Малахитовая улица выходила прямо к лесу-острову, видному высоко из окон дома – словно расстилавшееся до самого горизонта зеленое море...

Но здесь, в Петербурге, острова – если взглянуть на них с высоты птичьего полёта, – они словно бы составляют единый изящный витраж из своих замысловатых очертаний, – город-витраж в просторной дельте Невы... Адмиралтейский остров, Казанский, Спасский, Безымянный – напоминающий крыло ангела-хранителя, – каждый по-своему прекрасен! Но особенно мне дорог – Спасский остров, с которым так связана моя петербургская жизнь! Спасский остров – меж Фонтанкой и Екатерининским каналом, и назван так красиво благодаря Спасскому храму на Сенной площади – варварски уничтоженному в 60-е годы прошлого века, но который, надеюсь, когда-нибудь будет восстановлен... Спасский храм – незримая доминанта всего Спасского острова.

Мне дорог дом рядом с Банковским мостиком, который охраняют крылатые львы, – мы прожили в нём столько долгих лет!.. Дом 19-го века, архитектор Тибо-Бриньоль.

Мне дорого старинное здание Ассигнационного банка с чудесной оградой, за которой мы всегда чувствовали себя словно живущие в старинном замке или особняке... Дорог величественный Казанский собор, с которым столь тесно связана история нашей семьи... Дорог силуэт храма Спас-на Крови – построенный на месте смерти убиенного императора Александра Второго... Все эти места назывались во времена Екатерины Второй очень поэтично – «Земля Перузина» – то есть высокая, непотопляемая земля во время наводнений... Я сохранила это красивое название – «Земля Перузина», оно звучит в моих стихах. И все другие острова старого Петербурга, расположенные рядом, – их витражные очертания, – каждое дорого по-своему!.. Достоевская Коломна – в невысоких сохранившихся домах вдоль узких улочек

«СПАССКИЙ ОСТРОВ» Татьяны Кожуриной

Андрей Грунтовский

Татьяна Кожурина принадлежит – по рождению – московской поэтической школе, но и Питер (а в Питере проживает она с 1995 года) – ей город родной...

И, может быть, – задолго до переезда – родной по поэзии: и по Золотому её веку, и по веку Серебряному... Пожалуй, более, – по Серебряному...

За спиной – художественное образование, поэтическая группа «Александрия», изучение культуры древней Руси... Что, кстати, было одним из главных увлечений поэтов Серебряного века, художников «Мирикусников»... Васнецов, Билибин, Рерих... И – Блок, Белый, Ахматова... И – «Житие Аввакума», поэзия святых отцов... Все это, как эхо, как живая ткань, вошло в стихи Татьяны Кожуриной...

Но и не только: темы и мелодии гораздо шире... Это и неизменная любовь к античности, проходящая через все «века» поэзии – в поэзию современную, где мы видим обращения к Николаю Рубцову (чьим соседом по домам – с некоторым расхождением по времени, – сделалась Татьяна), это и обращения к Владимиру Высоцкому – то есть к нашим современникам, таким разным, и таким удивительным...

Не случайным стало и стихотворное переложение «Слова о полку Игореве»...

Вместе со святыми отцами и античными философами вошли в поэзию Кожуриной богословско-философские темы. Но что еще более характерно для музыки – это живое бытописание, где быт – вовсе не быт, а живая поэтическая среда.

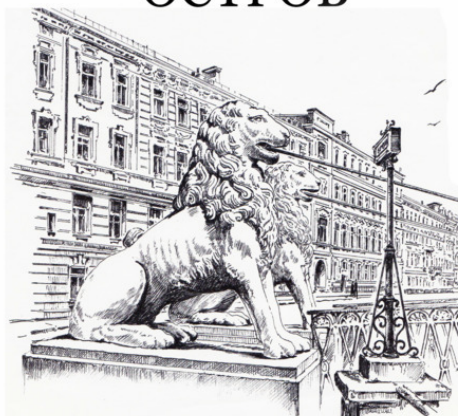
Да, исторический и географический разброс, разбег автора широк и всё же... мне кажется, поэзия Татьяны Кожуриной преломилась и шагнула к нам именно из «Серебряного века», вместившего в себя и Русь, и Античность и... всё, что угодно душе...

Что же, мы заждались этой книги. Долгий путь из эпохи «серебра» – в наш Двадцать первый век... Долгий путь из Москвы – в Петербург... Долгий путь к первой, наконец, сложившейся книге!..

И вот, она перед вами, дорогой читатель – в добрый путь!

СПАССКИЙ ОСТРОВ

1. СПАССКИЙ ОСТРОВ

*Пусть ветры тихо унесут
Хоть пять стихов – в века иные...
Пусть из осколков соберут
Моё утраченное имя.*

ХУДОЖНИЦА

Оксане Хейлик

*В Коломне старинной художница тайно живет —
Как птица весенняя, гнездышко чудное свила!
Пейзажи с домами рисует все дни напролет, —
Любуясь, как тихо к закату уходит светило.
А где-то касается клавиш вдали пианист...
Она словно тонкой иглой вышивает пейзажи!
Легко паутинкой ажурной слетают на лист, —
И в окнах оживших почудятся жители даже...*

2016

Сны Коломны

Дом поэта

А. Блоку

*Вдоль набережной, охватившей Пряжку, —
Высокий дом, где жил поэт когда-то...
Качались лодки на волнах, шумели дети,
И расстиралось небо, как руно,
Над Офицерской улицей пустынной...
Закат пылал пожаром над заливом
Сквозь тяжкие зелёные гардины,
Перетекая в каждое окно...*

И девушка стояла одиноко
На призрачном мосту, переживая,
От строк, в которых музыка звучала,
В которые входили корабли...
А улица рекою вдаль струилась,
К проспекту свое русло пролагая,
Где кирхи высится суровой очертанье,
Лишь миг – и оторвётся от земли...

2011

Сны Коломны

1

В Коломне – душный вечер полнолуния,
Зашторенные тканью плотной окна,
Но не укроешь города за шторой —
Доносятся хмельные голоса...
Над домом – тень невидимая замка
Литовского – глазницы словно норы! —
И слышатся удары метронома,
И бой часов, и вой ночного пса...

2

На каменном приземистом балконе
Горячий пунш в бокалы звонко льётся,
Сплетается беседа прихотливо,
Закат заглядывает искоса в стекло.
Растает жаркий день неторопливо.
Качается вода в сети каналов,
Прохладный ветерок несёт с залива
Молочной ночи светлое крыло.

3

Мы бродим лабиринтами Коломны,
В молочных переулках растворяясь,
Как дети, не заботясь о приличье,
Бежим-смеёмся, и в руке – рука...
Дворцы усталые на нас глядят с улыбкой,
Распахивая окна ветхих комнат,
В их недрах томно тают звуки скрипки,
К нам приближая прошлые века...

2011

*Письмо на другой остров
(со Спасского – на Казанский)*

другу-богослову

Стал сапфир твоих глаз холоднее,
и жестче, и тверже,
И звучит с каждым днем всё чеканнее
медная речь.
Показалось на миг: ты – корабль,
а сердце лишь поршень,
И в обшивке железной все ширится,
ширится течь.

Зимний парус змеиный к земному
пощады не знает,
Моря плещется сталь, замкнутая
в строгих глазах.
Нас с тобой лишь канал
– лишь тончайшая нить! – разделяет,
Но по сути – на разных,
на разных живем островах.

Свежий ветер с залива озябшие кутает плечи,
Таёт в небе закат розоватым больным леденцом.
Мой учитель! прости мне,
прости мне все дерзкие речи!
Мне б собакою взвыть под твоим
опустевшим крыльцом!

Избран путь изо всех наиболее
странный и сложный.
Только нас уже нет – мы лишь прах
– уж кружит воронье...
Мне привиделось нынче:
ты – посох потертый дорожный,
Я – лозой прорастаю сквозь дерево сухое твое.

2000

*Прощание с Петербургом,
или Признание в любви*

Прощай, Петербург! Я тебя не любила,
Я имя твоё навсегда позабыла.
Я лишь иногда в сновиденья включаю
Твои купола, голубиные стаи,
Твои фонари очертаний старинных,
Ажурных мостов полусонные спины.

Прощай, Петербург! Наш роман неудачен.
Стою на ветру, не скорблю и не плачу, —

Пусть шпилями-реями всю исцарапал...
Прощай, Петербург! Ты не город – корабль!
Корабль, прикованный крепко к причалу.
Мой призрачный пленник, тебе – не отчалить!

Прощай, не печалься – за кровь кочевую,
За то, что тебя ни к кому не ревную,
За то, что твои корабельные своды
Меня не удержат от жажды свободы.
За то, что роса на цветке придорожном
Острей твоих чар моё сердце тревожит.

Прощай, Петербург! Я тебя не любила,
Я имя твоё навсегда позабыла.

2004, 10 ноября

Петербургу

Прозрачно-зелёная грива прибоя.
Сквозь сумрачность неба – шитьё голубое.
Ступени замшелые в бежевой пене,
А ветер – холодный и влажный – в колени,
Как пёс, что хватает за юбку зубами...
А волны с шипением бьются о камень.

Вдали – Петербург – еле видимой нитью
Развёрнут в тумане на бледном граните.
Мой призрачный город во сны уплывает.
Летучий Голландец! Тебя – не бывает!
В воде зазеркальной, назад уходящей,
Ты как наважденье в одеждах блестящих.

Ты сон предрассветный, ты не существуешь!
Ты нежным закатом мне губы целуешь.
Ты разум приводишь к немому восстанью
И держишь одним лишь не-существованием.
И вновь ускользаешь – в страну сновидений...
Ступени замшелые в бежевой пене.
Прозрачно-зелёная грива прибоя.
Сквозь сумрачность неба – шитьё голубое.

2004, 10 ноября

Летний вечер на остывающей набережной Невы,
Медленно угасающий над облаками закат,
Жидким золотом дорожка солнечная
блещет поверх воды,
Перекатывающихся волн зеленовато
– сонный шёлк,
Фонтанов стеклянные стволы взметают
бриллиантовую пыль,
Долгие косые тени в изумрудном бархате трав.
Ты поддерживаешь невесомую беседу так легко,
Словно хрупкую чашу,
наполненную драгоценным вином,
И от солнца, от взора твоего, от молодости пьяна,
Мне так врезался в память твой
чарующий долгий взгляд,
Жаркий трепет сердца, запертого в броне груди,
Ты едва удерживал, чтобы соколом
не вылетело ко мне!..
Мягкий ветер доносит солёный
запах трав морских.
Как трепещет на ветру
бирюзово-прозрачный шарф...
Мимо пролетают сверкающие белые
как снег катера,
И утерянного сердца мне несколько,
несколько не жаль...

2007

Банковский мост

Горизонт – такой опаловый! —
Меж каналов и дворов...
Возвращение усталое —
В объятия оков.

Солнце сонно отражается
В чёрной сумрачной волне.
Изумлённые, качаются
Три лилии во мне.

На мосту стою стеклянном
В ожидании зимы.
Вдаль уходят караваны
Медно-палевой листвы.

2008

Земля Перузина

По зимнему острову
– саду изгнанницей вечной шагаю,
Любуюсь на снежные хлопья,
от суетных мыслей вдали...
Мне снятся Земли Перузины
таинственные очертанья,
Там реки в оправе гранита,
там плавно идут корабли...

Земля Перузина на картах
нигде не подписана ныне,
Но чую её приближенье за много шагов и часов...
Вокруг раздвигается время
– и в кружеве спутанных линий
Вторгаюсь сквозь снега завесу

в ажурное марево снов.

Три дня до рождественской ёлки,
живёт в ожиданье полмира.
Цветные шары и гирлянды опутали
джунглями дом.
Стеклянные зайцы и белки,
солдаты в зелёных мундирах,
Волхвы, пастухи, звездочёты,
комета с огромным хвостом...

Ты в дом мой войдёшь осторожно,
окинув внимательным взглядом
Квартиру – морскую каюту
на древнем большом корабле,
Изрядно разбитом штормами;
здесь книги с иконами рядом,
Старинные карты Европы,
мечты о далёкой земле...

За окнами эркера ветер швыряет ладонями хлопья,
Яс чаем горячим неспешно
на скатерть поставлю поднос...
Уляжется пёс на паркете.
Как выстрел вдруг форточка хлопнет.
«Грифоны – герб нашего дома»
– ответу, без слов, на вопрос.

Над створчатой дверью витражной,
поморскому складню подобной,
Грифоны, суровые стражи,
– цветок между ними вплетён.
Грифоны, суровые стражи,
– герб нашего прежнего дома, —
Хранящие хрупкую память
ушедших в былое времён.

2013

Возвращение из Пустозерска

К. К.

За окнами кружит позёмка по саду,
Пушистая ёлка в нарядных огнях...
Раскроются двери высокой парадной —
С порога, в снегу, обнимаешь меня!

Раскатится смех по ожившему дому,

Часы зазвонят, замурлыкает кот...
В большом полушубке – такой незнакомый! —
Тыходишь, и вместе с тобой – Новый Год...

Развяжешь рюкзак – там черника, морошка...
Покажется, вновь отдалилась беда...
Я в снимки гляжу, как в резное окошко
С узорами зимними синего льда.

На снимках – заснеженной тундры просторы,
Оленьи упряжки, бревенчатый храм...
Руины ушедшего в быль Пустозерска,
И крест – где Аввакум сгорел за Христа.

2015, 5 января

Башмачок

Просторный, свечами украшенный зал,
Икона с Младенцем и Девой Пречистой...
С Рождественской ёлки сегодня пропал
В ночи башмачок из стекла серебристый.

Как много вокруг привлекательных лиц!
Но в сердце дрожит самородная жила —
Быть может, таинственный Маленький Принц
Несет его в поисках Золушки милой?..

Ах, если б нашёлся второй башмачок —
На крошечной девичьей ножке изящной!..
За печкой на скрипке играет сверчок,
На улице тает-кружится снежок,
Весь соткан из чудных пушинок блестящих.

2015, 5 января

Боярыня-зима

Покинула город, как будто усадьбу, —
Перины, подушки свои забрала,
Ажурные скатерти и кружева —
Спешит на далёкую пышную свадьбу!

Умчалась, усевшись в роскошные сани,
На бело-молочных своих лошадях.
Растаяла с инеем в утренней рани,
Лишь белые змейки на всех площадях!

По комнатам – сор, опустевшая мебель,
Печально и тихо, и пусто кругом...
Но мы уже ждём – ах, когда же приедет

Весна – и украсит листвою наш дом!

2014

Небесный корабль

посвящается Казанскому собору

Корабль небесный мой, твои взмывают своды,
Объятые тепло божественной рукой!
У Господа прошу – ещё глоток свободы,
Ещё глоток воды – хрустальной и святой!

В коринфский строгий лес, на каменной подкове,
Вдруг устремивший к небу свой пальмовый восторг,
Вхожу – и по кресту струятся капли крови,
И тает за спиной грехов тяжёлый горб.

Вхожу в священный круг, меандром оплетенный,
Ручьём вливаюсь в хор поющих прихожан,
И ощущаю в миг, лучами позлащенный:
Нам этот дивный мир лишь Богом, Богом дан!

2000

Сон «Виноградный собор»

Там, внизу, расстилается город с обеих сторон,
Южный ветер чуть треплет побеги листвы молодые,
Черепичные крыши – волнистым узорным ковром,
В купол тяжкий собора – снопами лучи золотые.

Сквозь высокую арку вхожу в древнеримский собор —
Сверху донизу густо лозою увит виноградной,
Несмолкаемый всюду разносится радостный хор —
Птицы райские гроздьи клюют на цветущей огаде.

2011

«Реквием» Ахматовой

Мы просыпаемся в ночи в поту холодном:
Что, если в дверь звонок – пришли за мной?..
Воспоминания о юности свободной...
А в пепельнице – «Реквием» – золой.

Давно известна участь горьких строчек —
Пусть рукопись опальная горит!
Из пепла прорастает вновь листочек —
Я узнаю знакомый быстрый почерк! —
И птица Феникс заново взлетит!

2015, июнь

Зимнее

Я как-то не заметила зиму —
Она подкралась робко, незаметно,
Накрыла Петербург накидкой бледной —
И вот ступаю по волшебному руно
Её снегов, под лунным светом медных...
Я как-то не заметила зиму....

1999, декабрь

Петербургские львы

Мои петербургские львы полюбили московских – внезапно!..
И шествуют ночью чугунной по площади-залу...
Шоссе переполнено львами, длинна вереница!

Весна у гранитовых львов!..
С каждым шагом всё ближе столица...

Мои петербургские львы – на Полянке, Лубянке...
Они разбредаются парами вмиг спозаранку,
Они среди сиреней московских мурлычут влюблённо,
И в городе сонном
Их вновь настигает апрель воспалённый.

1994

Прилетают ночной порою
На заснеженный Львиный мост
В царство льдов над застылой водою
Птица Сирин, и с ней Алконост.

А вдали соседи суровые
Машут золотом тяжких крыл,
Вихрят снега седые покровы —
Петербургский им воздух мил.

И в ночи танцуют, весёлые,
И неспешно выходят к Неве,
Пьют напитки хмельные, дешёвые,
Плачет алый сок в рукаве.

А к утру становясь несмелыми,
Растворяясь в январских снах,
Застывают хлопьями белыми
На тяжёлых зимних ветвях.

1999

Екатерининский канал

1

Утром ступаю тихим
В солнечную обитель,
В свой треугольный дом,
Что у подножья собора
Крохотным ульем застыл.
В нём за оградой арок —
Словно в монастыре!

Банковский мост со львами.
Всюду резные клёны —
Листья стройно плывут...
Капли на золоте перьев.
Чёрным блеснёт вода.
Тихо взмахнут крылами
Стражи мои тайком.

2

О, этот хрупкий бисер,
Тонкий цветной стеклярус —
Бусины зимних квартир

Добрых моих друзей —
Словно шары золотые —
Все нанизал канал!

Сонно шагаю в полночь
Вдоль разноцветья бусин,
Сыпется мелкий снег.
Тихо – из шара в шар —
В гости ко всем друзьям —
Красное пью вино —
Всех я хочу повидать!

2000

В Михайловском парке

Листва пламенела – шуршащий янтарный огонь!
Река зимних снов, извиваясь, плыла в голубое...
Ты руку на плечи мне вскинул, и тут же ладонь
Моя обожглась – о твоё о крыло золотое.

2000

Снимок

Камейный профиль на застывшем снимке:
Волна волос – сардоникса огнём!
Невидимые рвутся паутинки
Разлуки – всё быстрее – с каждым днём.

2000

К Петербургу

О, как спешишь – скорей сорвать кольцо
Садовое – на пальце безымянном! —
Москву свергая с трона непрерывно...
Всё это ревность, ревность налицо!

2000

Встреча во дворе

Вчера, в ночи прозрачно-синей,
Очерченной серебряным дождём,
В сплетении тончайших линий, —
Октябрь – соприкоснулся – с Ноябрьём.

2007, осень

Вид из окна

Февраль. Лазурь. И солнце – в серебре.

Сосулек плач – весна вернётся скоро!
Сквозь веток кружевную акварель
Сверкает крест на куполе собора.

2005

Ограда архитектора Рука

Ограда мне напомнит акведук —
Массивной многоарочной аркадой.
Покажется на миг – не Петербург, —
Но, в римские укрытая наряды, —
Мне Яуза моя блеснула вдруг!

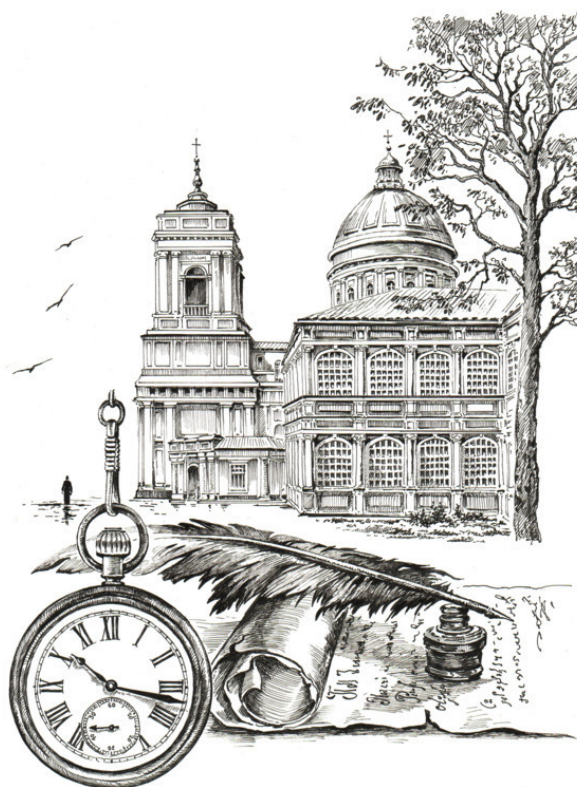
2005

Пушкинская, 10

Актрисе Пеллаге Стрепетовой

По тёмным старинным ступеням
Печально ступала Полина,
И близился возраст осенний,
И грусть застила глаза.
И таяла жизнь постепенно,
Тревожная острая льдина...
Над городом каменным нервно
Шумела ночная гроза.

2013, 15 апреля, Пасха

МОНАСТЫРСКИЙ ОСТРОВ

2. МОНАСТЫРСКИЙ ОСТРОВ

Посвящается Александро-Невской лавре

Зимняя лавра

1

Мой город гранитный!.. Я пью, словно встарь,
Прозрачных закатов дрожащий янтарь,
Над лаврой высокой, над спящей Невой,
Где рыбы снуют под морскою травой,
Где с площадью рядом стоят якоря...
Всплывает луна, купола серебра,
Высокие шпили, соборы, мосты
И просеки зимних проспектов пустых.
Мой город весь выткан из призрачных снов,
Мозаикой выложен из островов.
Мой город гранитный!.. Я пью, словно встарь,
Прозрачных закатов дрожащий янтарь...

2

Мой остров оцеплен серебряным панцирем рек,
Укутаны шалью высокие пышные ели.
За окнами зимнего сада – кружащийся снег,
На ветвях рябин – как живые цветы! – свиристели.

3

Раскинулась лавра вдоль зимней Невы,
Играет заря переливами ало.
У башни горят золотые костры,
Покрыли Неву ледяные ковры, —
Под панцирем крепким она задремала.

Собор – зимний крейсер у скованных льдов
Уснувшей Невы, у гранитных оков, —
Свой северный город в ночи стережёт...
А небо сияние звездное льёт.

2015

Троицкий собор

1

В туманах утренних таинственно парит
Собор – вершина творчества Старова!
Величественней древних пирамид...
Над сонной лаврой – кораблём Христовым...
Повсюду Петербурга строгий вид,
И колокольный звон легко летит,
Сквозь призрачные синие покровы.

2013

2

В соборе пение прощальное лилось,
Рыдали женщины, склонившись у креста.
Крест оплетала виноградная гроздь...
Мне воин вспомнился,
что вбил последний гвоздь
Своей рукой жестокою – в Христа...

2014

Некрополь

Остановись, прохожий,
Посети мой прах —
Я уже дома,
А ты ещё в гостях.

(Надпись на могиле)

Ворота каменные – гость, войди сюда,
В печальный город каменных надгробий!
Погребены в давнишние века
Здесь славные мужи дворянской крови.

Князей, ушедших в глубину веков,
Оплакивают ангелы резные...
Приподнимает память свой покров,
К нам приближая времена иные.

2014

Высокий клён трепещет у окна —
Приветствую, золотокронный брат!
В паломнической келлии, одна,
С тобой делюсь я горечью утрат.

Сад монастырский солнцем напоён,

Храм словно тяжкий шлем в листве густой,
Собора Троицкого светлый бастион
Как грозный князь, что встал перед толпой.

Обитель вся – в ладонях у Творца.
На белый портик луч янтарный лёг...
На барельефе – блудный сын с отцом
Встречаются в слезах – к лицу лицом —
А в треугольнике сверкает слово «БГЪ».

2014

Бабочка-псалтырь

Греку-киприоту Пантелеимону

В оранжерее зимней лавры звучно грек
Витиеватые афонские мотивы
Выводит радостно – в них шелест горных рек,
В них тростниковой флейты переливы...

В ладонях смуглых раскрывается Псалтырь
Как крылья бабочки – в узорной позолоте!
Цветком весенним расцветает монастырь,
Раскрытой книгой в древнем переплёте.

2015

Галерея Трезини

Барокко изысканность линий
Меня покорила давно...
Фасад Доменико Трезини —
Из мелких квадратов окно...

По светлой иду галерее
Среди пестролистных цветов...
Вечернее солнце смелее
Узорный набросит покров.

Сквозь окна ажурные – небо...
Ограда с иконой, врата...
Стада голубей просят хлеба,
А сердце взыскует – Христа.

2014

Молитва о погибших на войне

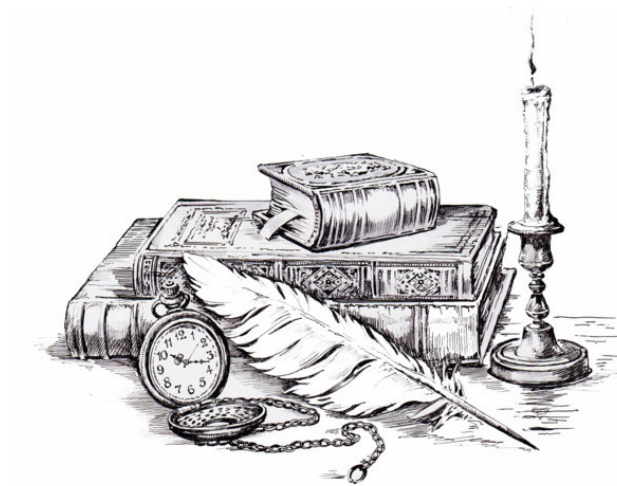
Глядя вдаль, печально вздыхаю —
Монастырский сад под луною...
Где вы, земли родного края,
Опалённые новой войною?..

У окна о судьбах гадаю —
О исходе известно лишь Небу.
С болью в сердце гневно страдая,
Вижу город, что вызволен не был.

Вся окраина кровью рыдает,
Всюду кровь потоками льётся.
Канонада не умолкает.
Сатана жестоко смеётся.

Здесь, под небом северным, сизым,
Я молиться не перестану
За ушедших сынов отчизны,
Чьи могилы покрыты цветами.

2014

Соловецкие острова

Соловки

Вижу берег моря бледного.
Рыба в тишине плеснёт...
Небо матовое, медное...
Плеск волны – о камни бьёт...

Камни серебристо-серые.
Белые кругом пески...
Раковин горбы замшелые.
Звёзд подводных огоньки.

В тишине, в сиянье северном,
Вижу двух монахов я —
Брат Савватий с братом Германом.
К Соловкам идёт ладья.

Впереди – пути опасные.
Предстоит немалый путь —
В легком крохотном карбасике
Через море дотянуть.

2014

Волны-иноки

Ой, пески вы соловецкие, серебряные,
Вы, барашки-кудри, волны с гребнями,
Позлащённые осенним солнцем севера,
Вы к обители плывите дружно, к берегу.

В ночь дозорами обходите все камни вы,
Волны-иноки в суровых черных мантиях!
В белых кудрях шелковых до пояса,

Вы ступаете от Северного полюса.

Встали в рост монахи – волны острые.
Крестным ходом – посолонь – вокруг острова!

2014

Архипелаг Валаам

Воспоминание о Валааме

Звучно хлопают старые ставни —
Словно море в ночи за окном...
Возвращая к скитаниям давним,
Валаам возвращается сном.

Колокольню шатрового храма
Сквозь туман различаю с трудом...
Отголоски ветров Валаама
Налетают с залива, как гром.

Пригибая деревья упруго,
Опрокинув стволы друг на друга,
Рвётся ветер в мой дом напролом,

В равномерную жизнь городскую...
По часовням высоким тоскую,
По утёсу с гранитным крестом...

2013

Архипелаг Валаам

Две колокольни нерукотворные
Взобрались ловко на выси горные —
На страже бухты, чьи плавны линии
Среди вуали тумана синего.
Звон колокольный – на обе стороны,
Две нерпы пёстрые в волнах проворных

Внимают звукам, поднявши головы, —
И слышат колокол, и слышат колокол...

Архипелага громады движутся
Средь волн высоких – суровой свитой,
Ладьи из камня, чьи мачты – сосны...
Часовни белые, кресты гранитные...
Чьи моряки – немногословные,
Судьбе покорные, неуязвимые, —
Путь направляют в страну безмолвия,
Звездой хранимые, в одеждах чёрных...

2013

Безмолвный скит

В ночи ложится на бумагу стих.
Безмолвствуют просторы волн морских.
Из золотистых брёвен сложен скит,
Как терем посреди лесов стоит,
Под шёпот небольшого водопада...
В ночи здесь теплят светлые лампы
Монахи, что от мира затворились,
Как звёзды в облаках, они укрылись...
Тропу молитвенную к Богу ищут,
Вкушают лишь растительную пищу,
Опасных избегая искушений...
Молчат вокруг громады скал и сосны,
Лишь ветер пробежит в листве осенней...
Бесшумные, восходят в небе звёзды.

2013

Преподобный Александр Свирский

Отшельник строгий, юноша Амос,
Взял добровольно инока оковы,
Среди серебряных холодных рос
Утёса древнего, на острове суровом,
Под шум ветров внимал он Божью Слову.

Прислушиваясь к северным волнам,
Себе могилу выкопал он сам,
В желанье здесь, среди морских просторов,
Избавиться от скорбных разговоров,
Приблизиться – к Божественным полям...

Но Сам Господь сказал ему: «Ступай!» —
Путь указав особым светом ярким.
«Восток Руси зовёт тебя! Дерзай,
Иди на Свирь, обитель создавай!..»

Взошла над морем радужная арка...

2013

Гефсимания

В аметистовой дали туманная,
Раскрывается бухта цветком...
Гефсимания, Гефсимания!..
Прихотливы твои очертания
Островов и заливов кругом.
Гефсимания, Гефсимания...
Сохранили монахи предание:
На скале, средь языческих мест,
Пребывая в глубоком молчании,
Сам апостол Андрей Первозванный
Здесь поставил из дерева крест.
Гефсимания, Гефсимания...

2013

Зима на Валааме

1

Зима на Валаам приходит поздно,
Бушуют ураганы всюду грозно,
С утёсов сдёргивая плачущие сосны, —
И не спасают корни-якоря...
Скуёт мороз просторы ночью звёздной,
Моря укроет замками торосов —
Восходит солнце – цвета янтаря!

Сковало льдом трепещущие льдины,
Напомнившие древние руины, —
Морозной вязью петть колоколам!..
Зимой обледенелой, длинной,
Уходит в сокровенные глубины,
Как Китеж-град, чудесный, Валаам.

2

Шторма, ненастья, грозная природа,
Бьют волны о гранитные породы...
Но к Рождеству утихнут злые бури,
Сверкает солнце яркое в лазури...

Хрустальные высокие торосы,
Из снега серебристого наносы...
Вся Ладога укрыта крепким льдом.
Спит Валаам – спокойным долгим сном.

Скалистых островов чудные формы,
Утёсов пики, в думы погружённых...
Заснеженные, тайною объаты,
В раздумьях – о Христе распятом.

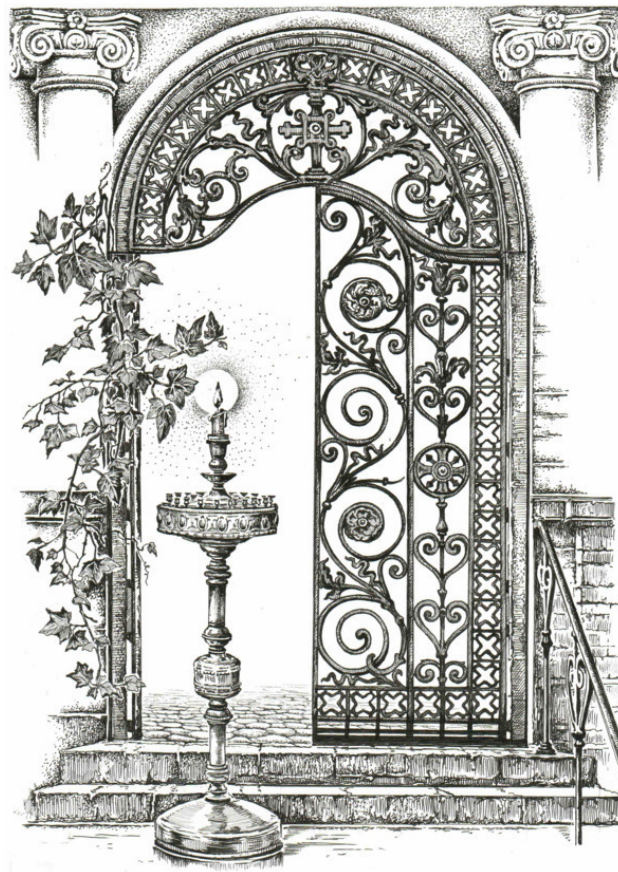
2013

Город Валаам

Валаам по зиме укрывается
Пеленою дождей и снегов.
В сокровенную глубь погружается,
Весь в плену серебристых оков.

Необычно всё в зимней обители —
Вглубь уходят себя его жители.
Терема их – скиты изукрашенные,
Их постели – гробы нераскрашенные.
Их мечтанье – из града земного
В град небесный взойти, встретясь снова.

2013

К нам Богородица в пурпурном одеянье
По облаку ступает босиком,
Держа в руках Младенца-Иисуса.
В очах Его – недетское страданье...
Жемчужины воды святой – как бусы —
Рассыпанные радужным дождём!..

2013

Проповедь в скиту Всех Святых

Речь игумена – в самые недра сердец,
В глубочайшую их сердцевину!..
«Страсти нас обступили, игумен-отец!
Их сминаем, как мягкую красную глину!

Отчаянии и тоске
Нам не висеть на волоске —
Покоимся в ладонях Бога...
Над пропастью – как по доске —
Идём вперёд – рука к руке,
Хоть узкая – одна у нас дорога!»

2015, авг.

НЕВИДИМАЯ БРАНЬ

3. НЕВИДИМАЯ БРАНЬ

Петербургское

Крыло морозное скиталица-зима
Влачит устало.
Хрустальная сосулек бахрома —
На всех вокзалах!

Не выбраться никак из забытья
И – не согреться!
От острых слов тяжелого копья
Пробито сердце.

Но мерзлый и застылый Петербург
Всего милее.
Весь мир блистающим становится вокруг
И – пламенеет.

Кварталы города – порталами церквей,
А шпили – реи!
Проходят в зыбкой памяти моей
Четы-Минеи.

На шумный Невский выйти не пора ль?..
Ах, быт спартанский...
На площади, как в гавани корабль, —
Собор Казанский.

Здесь Богородицы печально-скорбный лик
Всех согревает.
Скупого солнца бледный сердолик
Во тьме пылает.

Улыбки кроткие угодников святых
Осветят разум.
Печали черные,
вплестись пытаюсь в стих,
Угаснут разом.

И сердце города – не здесь ли?!
– посмотри! —
В порталах тёмных?
В немое небо рвется изнутри
Напевов горних.

2004

Ночная молитва

Здесь, в Петербурге, сквозь столичный гам, —
Колоколов густые перезвоны.
Мою обитель охраняют по ночам
Золотокрылые суровые грифоны.

А на горе далекой Митридат —
Торжественные белые ступени,
Осколки императорских палат, —
Пантикапея призрачные тени.

Сверкающая близится зима,
Но осень не желает на уступки.
А на Босфоре – сильные шторма,
И корабли швыряет, как скорлупки.

Над бухтами сверкают маяки —
Ночного моря каменные стражи.
И опытные шутят моряки:

«Не дай нам, Боже, очутиться в этой каше!»

Невидимая брань

(эсхатологическое видение)

Вселив неведомый доселе в сердце страх,
Залил закат волною алой крышу.
В соборе служба. Пение всё выше.
Выходят дьяконы в багровых стихарях.

Сверкнёт прощально солнце на заре —
Кругом стеною вражье войско вижу.
Крещение кровью с каждым днем все ближе.

Игумен! завтра нам гореть в одном костре!

Спиралью сжалось время, как в норе.
Небес всё туже потемневший свиток —
Антихристу с косматой черной свитой
Недолго уж глумиться на дворе...

Сквозь вспыхнувшую черную спираль
Взметнулось все в неведомую бездну —
Все, кто творили дьявольскую мессу, —
Пустого века денежная сталь!
Сжигает всё небесная спираль.
И лишь священник, не сойдя ни с места,
Ведет молитву смирно в неба даль.

И сквозь него клубы проходят дыма...
Фальшивые века проходят мимо...
И пепельный очищен небосклон!
Сияет солнце. Тихие равнины
Руси. Сверкает храм неодолимо.
Молитвой чистой воздух напоён.

Священник не покинет поле битвы,
И стойко продолжается молитва.

2003

Последнее прощанье

посмертно игумену о. Венедикту

Прощальной панихиды звук всё тише.
И в ворохе цветов лежит, недвижим,
Монах. Сокрыто смертное лицо.
Сомкнулось жизни ветхое кольцо.

Вокруг священники. Последнее прощанье.
И в воздухе повисшее молчанье —
Собрата проводить в последний путь
И тело бренное земле вернуть.

Мерцают свечи в сумраке собора.
А за дверьми холодный строгий город.
Земных отсчитано немного было лет.
Померк короткой жизни тихий свет.

Уж льются отзвуки последних песнопений.
Вот свежий холм с крестом. И лист осенний
Неслышно опускается в траву.
И, кажется, что вижу наяву:

Повсюду море ласковое блещет
И теплая волна кругом трепещет,
Эгейская, далекая волна...
И ширь морским дыханьем полна.

И траурной живою нитью черной
Монахи движутся крутой тропой горной —
С Афона дальнего небесный шлют привет,
И льется тихий благодатный свет.

2004

Боярыня Морозова

1.
В домашнем храме приношу свои моленья
Тебе, Господь, — покуда солнце не взойдёт...
Неспешно звёзды водят в небе хоровод,
И вторит им свечи моей горенье.

Мне лестовка — что кованая цепь, —
К Тебе, Господь, прикована я ею.
Молитвой душу хладную согрею,
Чтоб в этом мире бренном уцелеть.

Покорная во всём своей судьбе,
Взбираюсь словом, как по лестнице, к Тебе,
Грехи свои сурово обличая, —
О, только бы внезапно не упасть!..
Но с выси вижу не красоты Рая —
Глубокой ямы дьявольскую пасть.

2.
В ночи ведут со мной переговоры,
Обманчивая в уши льётся речь.
Давно приговорённая к позору,

Готова я к любому приговору,
Но от Христа не дам себя отсечь.

Луна уж оттолкнулась от земли,
Печальная, плывёт по небосводу...
Меня – всегда ценившую свободу! —
Навстречу изумлённому народу —
С крыльца родного стражники вели.

Везут на санях – в дальние места,
Повсюду – обвинения и злословье.
Там, впереди, – страдания за Христа...
Летит дорога – за верстой верста,
И цепь змеей легла у изголовья.

3.
На всём лежит Антихриста печать...
Как птицу дикую, накрыли крепкой сетью!
Всю ночь умелый пастырь убеждать
Жестоко будет – скрученную плетью.
Как много крови... Трудно мне дышать.

В оконце – неба синего лоскут.
В который раз – пройду сто испытаний!
В который раз – на дыбу волокут...
Исус! Когда – избавишь от страданий,
Когда увижу светлый Твой приют?..

Уж близок мой безрадостный конец,
Израненная гибнет нынче птица...
Дверь отворилась в тесную темницу —
Аввакум здесь, духовный мой отец:

«Держись, голубка, – вся в огне столица,
Жестокий правит волк среди овец».

2013, апрель, Москва

Встреча грешницы с Марией Египетской

Клонился к закату от жара струившийся день,
Луна золотая из-за моря тихо вспорхнула.
Марии Египетской бледно-прозрачная тень
Неслышно вблизи от костра моего промелькнула.

«Мария, – шепчу я,
– Мария! загублен мой сад,
Мне снился корабль,
где толпою теснились мужчины,
Которым вручала я плоти своей виноград,

Сгорая в горячих объятьях порочной трясины.

А самый печальный из всех, что стоял впереди,
Как тонкий и гибкий тростник,
и из них самый юный,
Он сердце заставил знакомо забиться в груди,
В ночи полнозвездной, полынной,
бездонной и лунной.

О, как отразилось минувших ночей торжество,
И море на миг показалось кипящим и винным...
Особо, Мария, особо прости – за него:
Он был – до знакомства со мною!
– невинным, невинным...»

«Ты медленно их имена выкликай, выкликай, —
Едва прошептала Мария беззвучно губами. —
Мы сами в себе поселяем загубленный Рай,
Мы сами себя заполняем грехами, грехами...»

Сколь долго – всю ночь!
– выликала я их имена,
Как мертвенный дым, эти образы вмиг исчезали,
Один за другим, в постепенно светлеющей дали,
И тяжким покровом Мария покрыла меня.

И вот уж корабль тот печальный и легок, и пуст,
И только Мария со мною – на палубе строгой.
Зари в небесах расцветает пылающий куст.
Во тьме предрассветной стою – пред очами у Бога.

2003

Прощеное воскресенье

Собор – в преддверии поста.
Гудит усталая толпа.
Из воска – лица.
И прихожанки у столпа —
Как в стаю сбившиеся птицы.

Я к ним безмолвно подхожу,
Почти чужою,
Прощения у них прошу,
Но дружбу с ними не вожу,
Чего – не скрою.

Так птица дикая глядит
На кур домашних...
Мне с ними как-то не с руки,
Они близки – и далеки —
Как день вчерашний.

Священников суровый ряд —
Как четки черные стоят
Вдоль солеи у аналая.
О, полк Иисусовых солдат,
Готовых к бою!

Им Божий указывает перст
В сиянье вечном.
Какая тишина окрест!
У каждого – в ладонях крест
Восьмиконечный.

Любовию озарены
Их очи.
Уж в горний мир погружены
И видят ангелов они
Воочию.

Я, голову пригнув, иду
По пламенеющему льду —
Вдоль ряда.
Прощения давно не жду,
Хотя бы – взгляда!

И сквозь густую немоту
Ступаю – грешными стопами.
И к каждому прильну кресту —
Своими грешными устами.

Как мрачно черных дум кольцо!..
Иду, робея.
Вот настоятеля лицо,
Улыбка – протоиерея...

Все дальше, дальше через строй.
Но вот знакомый крест литой
С цветной эмалью.
И взгляд игумена скупой,
Печаль со сталью.

«Дочь блудная пришла, монах,
Просить прощенья,
И ей пред Богом ведом страх!
Без веры жизнь – один лишь прах...»
И – на колени...

«Здесь грешницы ужасней нет!
В грехах скиталась много лет,
Страстями мучима...»
«И ты меня прости» – в ответ,
Почти беззвучно...

Улегся прежний пламень, пыл,
Что так безжалостно разил,
Сокрылся в недра.
Везувий огненный остыл,
В смирение пепла.

С ресниц размашисто смахнув
Слезы росу,
Боязненно вперед шагнув,
Я крест целую.

Блеснуло белое перо
Во тьме портала.
И словно ангела крыло
Меня обьяло.

2004, весна

В монастыре

Ирине Репиной

В закатном небе льются звоны,
Весь кружевной, в сплетенье кроны,
Ажурный зимний лес. Пустырь...
Влахернский виден монастырь

С резною чтимою иконой...
Доносит ветер к окнам стоны
Литых его колоколов —
И снежный вихрится покров.

Вдали – старинный город Дмитров,
Митрополичьей дивной митрой
Во тьме сверкает над рекой.
Звучат печальные молитвы,
Закат прорезал небо бритвой
Своей вечернею рукой.

Не усидеть мне в келье, сёстры!
Влекут на волю эти звёзды,
Кометы хвост пушисто-пёстрый...
Покорной трудно быть судьбе...
Но взор игуменьи – столь острый —
Нахмуренно зовет к себе.

Росою – слёзы на ресницах —
До боли взгляд знакомый снится —
Ах, если б обратилась в птицу —
Тотчас бы к милому лететь...
Кусают жала власяницы...
Раскрою Библии страницы:
Дай силы мне, Господь, смириться —
И как свеча – гореть, гореть!

2013

Великий пост

1

Вступаю в пост – как в анфиладу темных зал,
Ведущих к ясному небесному порогу.
И с каждым шагом – отдаленнее портал,
И с каждым шагом – ближе, ближе имя Бога.

2

Мы – странники Великого Поста.
Мы движемся неведомой дорогой.
И времени осталось так немного,
Но впереди сияет лик Христа.

1999

* * *

Влеку в ковчег собора плоть свою —
В могучем вихре – жалкую пушинку!
Творец! я вновь перед Тобой стою,

От битв незримых страшно устаю,
Но к новому готова поединку.

2004

* * *

И будет ценен тот лишь миг —
Кружися, вороньё! —
Когда, Иус, взойду без страха
За имя светлое Твоё —
На плаху!

2004

Пустынник и лев

Лев:

– Старец-пустынник, живущий в суровой пещере,
Средь раскаленных песков иорданской пустыни, —
Хоть человек ты, но вовсе не связан с охотой:
Смирно корзины плетешь, в одеянии ветхом;
В черной ночи же, когда загораются звезды,
Долго молитву ведешь, к небесам устремляя.
Зверь бессловесный, пришел я за помощью доброй,
Робко тебе протяну заболевшую лапу —
Шип, проколовший её, не даёт мне покоя.

Пустынник:

– Вижу, попал ты в беду, дикий зверь бессловесный!
Рану твою я очищу от терний и крови,
Плотно ее обвяжу, чтоб зажила скорее,
Можешь в пещере прилечь – нам с тобой места хватит!
Не обессудь – у меня только постная пища:
Хлебный сухарь, да водица, да горстка из зерен.
Рану залечишь – обратно вернешься в пустыню...

– Вновь ты пришел отчего к одинокой пещере?!..
Ведь затянулась давно исцелённая рана!
Что ты всё ходишь за мною, на привязи точно,
Словно бы мой ученик или новоначальный?..
Впрочем, тебя не гоню, оставайся, коль хочешь!
Только прилично веди у жилища монаха,
Чтобы твой рык не нарушил безмолвия тайну...
Дай же поглажу густую косматую гриву!

Лев:

– Ты, черноризец, пленил меня голосом кротким,
Свет твоих глаз растопил мне свирепое сердце,
Дальше желаю дружить и внимать наставленьям,
Кротко поклажу носить и питаться лишь хлебом.

Нрав уподобится кроткой и ласковой лани,
Рыком раскатистым твой я покой не нарушу,
Жизнь моя рядом с тобой пусть протянется вечность!

– Но отчего в этот вечер не вижу тебя, мой хозяин,
И отпевают кого вдруг монахи у входа в пещеру,
Камень большой тяжело привалив могилы?
Где ты, мой друг?!.. твое тело укрыла пустыня,
В небо душа унеслась, вся в слиянии с Богом Единым.
К камню навеки прижмусь, сам я стану как камень;
Взор устремлю к небесам, к ярко блещущим звездам,
Но у могилы с тобой не расстанусь, мой старец!

2010

Таинственная Дверь

Мне снится сон: распахнутая дверь,
Наполненная светлыми лучами...
В двери – монах, с ним рядом рыжий зверь —
Косматый лев с печальными очами.

Не отрываясь смотрит на меня,
На морде грустной – тихая улыбка...
Зовут к себе, молчание храня...
И в наступленье будущего дня
Мне слышится звучанье нежной скрипки.

2013

Ангел

По листьям весеннего леса
Бесшумно ступает ангел,
Таится в губах улыбка,
Котомка на остром плече.
И низко к земле склоняясь,
Оставшихся ночью без крова
В ладони берет птенцов,
Сажает бережно в складки
Своих просторных одежд,
И льется между стволами
Серебряный лунный свет.

2003

Рождественское

Не виданная ранее звезда
Сияла в небесах ночных высоко.
Три мудреца за нею шли с востока,
Ещё пока не ведая, куда.

Младенца плач в пещере услышав,
Волхвы застыли молча у порога,
С почтением узрев обитель Бога —
И щедрые дары смиренно передав.

2005, декабрь

Крест

Подарок хрупкий, скрученный из звонкой
Изящной проволоки мрачных мест —
Весь потемневший, твой нательный тонкий
Тюремный крест.

«Видала?... Сохранил. Металл хороший.
Такие делают и носят только там.
Бери!» И я взяла – такую ношу! —
Не по годам!

1999

* * *

Храню в душе – как в книге между строк
Хранят бесценный полевой цветок
С полей душистых родины забытой, —
Игумена неласковый урок,
Слова чьи справедливы и сердиты,
Храню в душе – как в книге – между строк.

Храню в душе – глубокий строгий взгляд:
Он прожигает каменное сердце,
Подобно углям – чтоб могли согреться
Бредущие столетия назад

Руси слепые дети-иноверцы.
Храню в душе – глубокий строгий взгляд.

2003

Явление Христа

Перед взором туманным моим
Оживает картина из рамы:
Возле ног, в тростниках, словно дым, —
Золотая волна Иордана.

Расстиляется в жаркой дали
Палестины суровой пустыня...
Среди скал раскалённой земли
Я услышу знакомое имя.

Возле берега – тесной толпой —
Иудеи, солдаты и дети.
К ним спускается горной тропой
Тот, Кто некогда жил в Назарете.

Приближается вмиг – вот Он, рядом со мною!
Яркий солнечный нимб – над Его головою.
Руку чуть протяну – хоть на миг прикоснуться...
Но на ложе моём невозможно совсем повернуться.

Удалился опять на вершины холмов —
Весь в таинственном ласковом свете.
Возвратись, возвратись ко мне вновь,
Тот, Кто некогда жил в Назарете!

Потрясённый приходом Твоим,
Вдруг встаю – затянулася рана!..
Возле ног, в тростниках, словно дым, —
Золотая волна Иордана.

2013

Младенец

Из багета картины
– Младенец на нежных руках
Богоматери – смотрит тревожно
в мой мир с недоверьем.
Мой свирепейший волк отступает,
почувствовав страх,
В глубь пещеры души,
где теснятся различные звери.

Вдруг Младенец,

ещё раз с укором недетским взглянув,
Отвернулся совсем,
показав светлокудрый затылок...
Но с улыбкою доброю Мать погрозила ему,
Только кровь моя в жилах
от страха едва не застыла.

Только б снова ко мне повернул
свой Божественный Лик!..
Я сдержу всех свирепых зверей
в неуютной пещере!
Если честно,
я холить их всех и лелеять привык,
Но сегодня увидел впервые
– Христа-Назаря.

2013

Дорожное

1

Снова дождь проливной. Холод. Ночь.
Непролазная слякоть.
Дальнобой проносятся вдаль
– только ветры шумят!
В обреченной России давно
разучилась я плакать.
Только веру в Христа не отнять у меня, не отнять.

Ты послушай, дитя мое, песню о Деве Марии,
Как она пробиралась в Египет
с младенцем-Христом.
Подрастешь – свою грешницу-
мать и пойми, и прости, и —
Нас укроет с тобой Богородица
светлым крылом.

Под ногами колючим хребтом вырастают отроги.
Вновь младенца кормить по-над морем,
у голой скалы.
Впереди – все дороги, раскислые злые дороги,
Позади – знойный Крым,
и Кавказ, и степей ковыли...

Разверну у обочины – карту путей пилигримов:
Эти тонкие нити уводят на жаркий Восток!
А меня впереди ждут развалины Третьего Рима,
Византии ушедшей последний
– чуть видный! – росток!

2

Как суровые дуют ветра, с непогодой споря!
И пещера в расщелине скал
– неуютным жильем...
Колыбельные я напевала
– так нежно! – у моря.
Ох, дорога, дорога,
мой вечный скитальческий дом.

Развернется опять утомленную лентой дорога.
Но свобода, свобода – вот слово милее всего!
Не имея иконы, я звездам молилась как Богу —
Эти тысячи глаз в небесах
– лишь Единое Око Его!

Пощади и помилуй, Господь!
Не меня – так младенца!
Не его в том вина,
что цветком придорожным рожден...
Кабы знать нам, когда упадем,
– то подбросили б сенца...
Будет тысячу лет длиться этот безрадостный сон.

Снова дождь проливной. Холод. Ночь.
Непролазная слякоть.
Дальнобой проносятся вдаль
– только ветры шумят...
В обреченной России давно
разучилась я плакать.
Только веру в Христа
не отнять у меня, не отнять.

2005

Проповеднику

Проповедует твёрдо священник
о пламенной вере,
Что бесстрашно вела христиан
все века на костер.
Отдаю свое сердце Христу
– лишь Христу!
– в полной мере,
Устремляясь ко свету Его
– через мрак и позор.

Но когда же душа над страстями,
над страстями будет править,

Чтоб желанный покой воцарился?
Телесное – в прах!
Укрепи мое сердце порочное,
в хрупкой оправе
Закалившейся веры
– в твоих вдохновенных речах!

Помоги умягчить затвердевшую душу слезами,
Укажи на застрявшее в оке незрячем бревно!
Но, быть может, моими слепыми
– от боли – глазами
Мне сегодня – незримое
– больше увидеть дано?

Все темней небеса, с каждым днем!
Как сгущаются тучи!
Указует сурово Господь о свершенных грехах!
Обернись! Кто – еще лишь вчера
– так безжалостно мучил
Ту свободную птицу,
застрявшую в тесных сетях?

Острый взгляд прорезает толпу
вдоль фарватера храма.
Угасающим солнцем тревога сверкнула в зрачках.
До заката Вселенной, однако, еще слишком рано,
Литургию еще доведем, доведем до конца!

Обращаюсь к тебе как к прямому
посреднику с Богом:
Примиришь, примири!..
бьется в сердце молитва ключом.
Нам осталось на грешной земле
пребывать так немного!
Защити от беды раскаленным Христовым мечом!

Моя ноша легка, ничего не скрываю в карманах!
Я сложила всю тяжесть грехов у подножия Врат.
Над разверзнутой огненной бездной ступаю упрямо.
И повапленный гроб
– на земле мой последний наряд.

2005

*Божественные гимны
(авторское переложение
Симеона Нового Богослова)*

*1. О светлом роднике в сердце,
дарованном Господом*

Когда, изнеможенная,
лежу в болезни тяжкой,
И думаю о Свете,
Несказанном и Превышем,
И ум уходит в странствия,
далекие и светлые, —
Вдруг затрепещет сердце,
словно радостная птица,
Поющая гимн Солнцу,
Никогда не Заходящему,
Вмещающая – невместимое...
Мне не постичь той тайны,
Как плоть моя греховная
вместить такое может,
Как? – сквозь преграду тела
пробирается таинственно,
Дрожание, как ключ лесной,
как родничок бурливый,
И долго-долго так дрожит,
все щедро наполняя
Сосуд греховный тела неземною благодатию.
Потом все тише,
тише... вот и вовсе пропадает,
Но лишь затем, чтоб вновь прийти,
через некоторое время, —
Своим биеньем радостным
к Благому призывая!

*2. О человеческой греховности
и жажде преображения*

Господь, прости грехи мои,
что каждый день как снежный ком,
Избавь от многословия,
от гнева, от лукавствия,
Благой, благодарю Тебя
– за ту болезнь, что даришь мне:
Хотя бы на короткий срок от суеты избавиться
И с Именем Твоим Святым
соприкоснуться ближе,
Чтоб Свет Твой Благодатный
увидала я хоть издали —
Так из темницы запертой глядит на солнце узница,
В которую сама себя сурово затворила.
И ясное блистание вдали осветит сердце мне,
И тихо задрожит оно, исполнившись ответно,
Вобрав в себя хоть малость от далекого сияния.

И вспомнит разум скудный мой:
мы все – Твое подобие,
Увы, так искаженное,
что страшно и подумать нам
О собственной греховности.
Но мы преображаемся,
Когда стремимся к Свету – и покидаем тьму.

*3. Воспоминание
о Божественном Свете*

Внезапно вспомнит разум мой
о Божьей Благодати,
О Свете Несказанном,
что объял больное сердце мне,
Столь необычным образом
– о теле позабыла я,
В Сиянии Божественном преображаясь тайно,
И наполняясь Светом тем,
до края, точно чаша...
И несказанно горько мне,
что Свет меня покинул тот,
Но ощущение чудное: горю – и не стораю я,
А лишь всё больше пламенем
чудесным наполняюсь.
Прости, Господь,
грехи мои и вновь пошли мне Свет Свой!

*4. О том, что мы должны благодарить
Господа за строгость*

Прихода Твоего так жду,
приблизь Свое Сияние!
В соблазнах и мирских делах

так страшно отдалилась я
От Света Несказанного, от родника бездонного —
И тут же наказуешь
Ты Владычною десницею:
На землю возвращаешь вмиг,
от высей чистых горних.
Но от грехов очищусь и к Тебе
свой взгляд направлю я,
Благодарю за строгость
— о Тебе лишь ярче мысль моя,
Когда раскроешь бездну
под греховными стопами Ты,
Пасть ада указуя мне
— для назиданья строгого.
Пусть в пламени пылающем
грехи мои очистятся.
Пусть сердце,
потускневшее от помыслов греховных,
Вновь ярко запылает
— как металл на наковальне!
За все благодарю Тебя,
Господь, Судья Мой строгий.

2005, осень

Исусова армия

Прости меня, Исусова армия!
Я вовсе не прошу лишнего.
Я самая последняя нищая.
Я только так держусь царственно.

И если обращаюсь к Вышнему —
О том лишь, чтоб лишил – гордости,
Чтоб не оставил и помог – слышите?! —
Изгнать из сердца все ростки робости.

И пусть последняя из всех грешница,
И заперты врата райские,
Соприкасаюсь – с Чашею Царскою,
И сердце тает – от нездешней нежности.

2007

Цветок

Спешу по городу в далекий тайный храм.
Гранит Фонтанки, чайки над водою.
Порт вдалеке туманною каймою.
Сверкающее солнце по волнам
Струится золотою головою.

Холодный Космос-Ум. Планеты шар —
Застыл игрушкой ёлочною хрупкой.
Вот Сам Господь его в ладонях сжал —
Вздыхнул с досадой – и опять разжал —
Как беззащитна тонкая скорлупка!

А мне на миг почудилось, что шар —
Душа моя – израненная птица —
Зажата так, что кровь бросает в жар,
Но преодолевает сей кошмар —
И вот уж вновь над морем серебрится,

Хватает рыбу, в воду с головой
Ныряя смело – детям нужен ужин! —
Бросаясь с вороньем в неравный бой, —
Аккордами шумит морской прибой —
И отдых на волнах, средь пенных кружев...

Но вдруг неосторожный взмах весла
Тяжелого – о, как Земля огромна!
И всё плывёт. Покинутость гнезда...
И приближается Полярная звезда,
И крохотною точкою Коломна...

И ускользает небо из-под ног.
Перед глазами – дивная икона:
Печальный старец. Распускается цветок
Из ничего! вне всякого закона! —
Как белоснежный трепетный поток,
Исполненный нездешней чистоты —
И закрываются тяжелые листы
Таинственного древнего альбома.

2008

Двойник

Отворяется дверь
– я не верю глазам: это ты?
Но откуда? когда?
Столько лет между нами легло.
Я о прошлом грущу,
вереницы прощаю обид,
Но поверь,
твой двойник так внезапно обрел твою плоть,
Твою власть надо мной.

Ты приходишь ко мне по ночам,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.